

симпатіи. Тайна всѣхъ его преступленій и всей его низости въ томъ, что онъ слабъ и любитъ себя, свой покой и свое удовольствіе больше всего на свѣтѣ. Особенно тонко организованный инстинктъ себялюбія побуждаетъ его постоянно стремиться къ пріятнымъ ощущеніямъ и избѣгать всего непріятно-дѣйствующаго на его утонченную нервную систему ¹⁾. Съ этого прямого пути Тито никогда не сбивается посторонними соображеніями; руки его безошибочно протягиваются къ тому, что всего заманчивѣе или доступнѣе; препятствія обходятся, отодвигаются или опрокидываются, смотря по обстоятельствамъ. Какъ человѣкъ весьма образованный и развитой, и притомъ крайне чуткій, Тито не можетъ не замѣчать содѣяннаго; но онъ умѣетъ ловко страхнуть съ себя тягостное бремя внутреннего недовольства и снова прійти въ равновѣсіе. Сознаніе вины вызываетъ въ немъ еще другую характерную реакцію—отчужденіе, болѣе или менѣе враждебное, отъ тѣхъ, кто пострадалъ по его милости или имѣютъ право порицать его, вмѣстѣ съ стремленіемъ пріютиться въ такомъ уголкѣ, гдѣ судить его некому и гдѣ слѣдовательно дышется свободно. (Отъ зоркихъ глазъ Ромолы Тито бѣжитъ къ молящейся на него дурочкѣ Тессѣ; и, разумѣется, обманываетъ и ее безъ зазрѣнія совѣсти).

Пока жизнь идетъ, что называется, «по маслу», ничего отъ него не требуя, Тито—олицетворенная доброта и мягкость. Его безпечная веселость, его лучезарная улыбка сияетъ, какъ солнце, на праведныхъ и злыхъ. Онъ очаровываетъ всѣхъ и каждого. Но чуть на пути задоринка, затрудненіе, искушеніе—свѣтлый обликъ его души мѣняется и проходитъ всѣ метаморфозы, требуемыя обстоятельствами, прихотью минуты и неизмѣннымъ инстинктомъ достиженія наибольшаго счастья для себя. Внѣшній же его образъ упорно противостоитъ внутреннему разложенію и остается безмятежнымъ и обязательнымъ. Не даромъ чудакъ-живописецъ, скептически взирающій на людей, замѣчаетъ при встрѣчѣ съ Тито, что лицо этого юноши идеальный типъ предателя: «порокъ и измѣна не могутъ оставить на немъ слѣда».—Въ личныхъ отношеніяхъ Тито и въ общественныхъ столкновеніяхъ того смутнаго времени много нежелательныхъ осложненій и препятствій, много соблазновъ. И вотъ—при полномъ отсутствіи нравственнаго тормоза и возжей, именуемыхъ совѣстью—онъ катитъ подъ гору все быстрѣе и быстрѣе, отъ мелкихъ къ крупнымъ

¹⁾ Видъ чужихъ страданій принадлежитъ къ разряду непріятныхъ ощущеній и обращаетъ его въ бѣгство.